

Книга Виктора Боярского «Семь месяцев бесконечности» посвящена крупнейшей Транс-антарктической экспедиции 1989–1990 года. Участникам этой экспедиции – представителям шести государств мира (США, Франции, Великобритании, Японии, Китая и СССР) – удалось преодолеть на лыжах и собачьих упряжках более 6000 километров, пройти через Южный Полюс и впервые пересечь Антарктиду по самому протяжённому маршруту без использования механических средств. Экспедиции предшествовала трёхлетняя подготовка. Автор книги – её участник – описывает свои встречи в США и Франции во время подготовки экспедиции, рассказывает о подлинных её героях – собаках, их взаимоотношениях с участниками экспедиции и взаимоотношениях самих участников.

10 декабря, понедельник, сто тридцать восьмой день

Я увидел Полюс в 11 часов 40 минут. Маленькая чёрная точка, рядом с которой виднелся небольшой белый холм, появилась всего в двух градусах справа по нашему курсу. Это был незабываемый момент моей жизни. Я вдруг подумал, что ни Амундсен, ни, может быть, Скотт, первыми пришедшие к Полюсу, не смогли бы, как это ни парадоксально, сказать: «Я увидел Полюс», — по той простой причине, что его просто не было, причём вовсе не потому, что он не был еще открыт, а потому, что не было ничего, что бы отличало эту точку от окружающей её белой пустыни. То же и на Северном полюсе. Точка, которая ещё сегодня имела магическую, притягивающую взгляды путешественников многих поколений широту 90°, уже через несколько часов становилась одной из многих ничем не примечательных точек на поверхности находящегося в вечном движении льда Северного Ледовитого океана, и поэтому каждый новый путешественник, которому посчастливилось достичь Полюса, открывал его для себя заново.

Какое счастье для исследователей! Кто знает, где сейчас тот Полюс, на который впервые ступила нога человека! То же самое могло бы случиться и с Южным полюсом, несмотря на то что лёд в его окрестностях выглядит незыблемым монолитом, хотя и движется, правда, очень медленно. Но вот около тридцати лет назад в точке Южного полюса американцы построили станцию, назвав её в честь первооткрывателей Полюса Амундсен-Скотт, и теперь задачей всех последующих экспедиций было не открыть свой Полюс, а отыскать этот, единственный. То, что прямо на Полюсе находится какое-то сооружение — творение рук человеческих, — несомненно, отчасти лишало Полюс ореола таинственности, окружающего это слово в нашем сознании.

Мы обнялись. Полюс был наш! Несмотря на трудное начало, потери собак, непогоду, проблемы с горючим и все прочие трудности, неизбежно связанные с подобным путешествием, мы дошли до Полюса! И это произошло через сто тридцать восемь дней и ночей после старта. Буквально через полчаса после нашего открытия, как бы давая нам ещё одно подтверждение, прямо по курсу

из-под облаков вынырнул военный транспортный самолет «Геркулес», совершающий регулярные полёты между Мак-Мердо и Южным полюсом. Самолет плавно снизился и приземлился рядом с невзрачной чёрной точкой, которую мы для себя уже окрестили Полюсом. В 16 часов уже можно было ясно различить все строения станции. Чёрная точка увеличилась в размерах и приобрела очертания большого купола серебристого цвета, а белый холм оказался гигантским снежным шлейфом, примыкавшим к куполу. Справа от купола мы увидели множество тёмных продолговатых низких строений, антенны локаторов, чёрные флаги, ограждавшие взлётную полосу аэродрома, а перед ними, ближе всего к нам, несколько знакомых палаток бирюзового цвета — это был лагерь нашей, запрещённой на Полюсе, киногруппы. Рядом с этими палатками я заметил одну побольше, около неё стоял снегоход. Было тихо, как бывает рано утром. Легкий белый дымок, бесшумно вырывавшийся откуда-то из-под снега рядом с куполом, выдавал местонахождение электростанции. Подойдя поближе, мы увидели одинокую фигурку в оранжевом костюме. Я подумал, что это, скорее всего, Мустафа или Ибрагим, поскольку такими же ярко-оранжевыми они были и в базовом лагере. Расстояние не позволяло мне распознать, кто же это был, но оказалось вполне достаточным для незнакомца, чтобы увидеть нас и забить тревогу.

Все ребята, вероятно, ещё спали, поскольку по станционному времени было раннее утро, а мы пришли на два часа раньше, чем обещали. Нам было видно, как оранжевый человечек мечется между палатками, поднимая товарищей. Лагерь моментально пришёл в движение. Из палатки выбрался Лоран с камерой и начал поспешно монтировать её на треногу. Мы остановились. Богатая практика нашего общения с Лораном подсказывала, что сейчас последуют указания о том, как нам двигаться, на каком расстоянии от камеры надо пройти. И точно. Было видно, как Лоран, отделившись от собравшейся перед палатками группы людей, побежал в нашу сторону, глубоко проваливаясь в снег. Он подбежал ко мне, сильно запыхавшись. Прилетев на Полюс всего два дня назад, Лоран, конечно, не успел ещё адаптироваться к этой высоте. Мы обнялись. Переведя дыхание, Лоран объяснил мне, что я должен провести упряжки как можно ближе к камере, а затем остановиться и подождать около палаток, пока он не перебазировается вместе с камерой в район места основной встречи экспедиции на Площади Наций перед куполом станции. По словам Лорана, там нас должны уже ожидать полярники станции Амундсен-Скотт. Погода была в равной степени неподходящей как для ожидания, так и для съёмок. Туман, ветер, минус 30 градусов и едва-едва просвечивающее через дымку солнце. Но люди стояли и ждали, ждали встречи с нами.

Большая палатка оказалась кают-компанией и кухней одновременно. Она была собственностью компании «Адвенчер» и, как правило, служила походным рестораном для тех богатых туристов, которых возили на Полюс за весьма умеренную плату (примерно 35 000 долларов) «Твин оттеры» предприимчивого «Адвенчера». Сейчас, при отсутствии туристов, палатка стала штаб-квартирой экспедиции «Трансантарктика». Как я и предполагал, бдительным человеком в оранжевом костюме был Мустафа, который вместе с Ибрагимом был близок к осуществлению заветной мечты народа Саудовской Аравии — поднять на Южном полюсе священное зелёное знамя.

Маневр, который заказал Феллини, удался на славу, и вскоре мы остановились среди окруживших нас друзей. Мы обнялись с Крике, Ибрагимом и Мустафой, Брайтоном и Эриком, познакомились с Гордоном — высоким сухощавым человеком, увешанным фотоаппаратами. Лоран вместе с камерой уехал на снегоходе к месту встречи, куда некоторое время спустя направились и мы.

До места встречи на Площади Наций от нашего палаточного лагеря было метров четыреста. Мы пересекли взлётную полосу, на скользкой, хорошо укатанной поверхности которой собаки заставили меня развить бешеную скорость, и вскоре увидели двенадцать огромных установленных полукругом на высоких древках флагов государств, которые, как выяснилось позже, первыми ратифицировали Договор об Антарктике тридцать лет назад. Это и была Площадь Наций. Перед площадью стояло множество людей, одетых в одинаковые ярко-красные куртки и тёмные брюки. У всех были фотоаппараты, двое держали огромный плакат: «Привет из Миннесоты!». Этот плакат привёл в истовое возбуждение собак Уилла. Они нарушили строй и понеслись прямо на него, как будто желая оказать особое внимание тем, кто, судя по плакату, были их земляками. Всё смешалось. Свист, приветственные крики, клацанье затворов, улыбки, рукопожатия, похлопывание по спинам — всё это как шквал обрушилось на нас со всех сторон. Собаки совершенно ошалели от тянущихся к ним со всех сторон рук. Все это продолжалось около часа и было очень приятно. Мы ждали продолжения.

И оно последовало. Начальник станции Том, с красным от долгого пребывания на ветру лицом, украшенным чёрными заиндевевшими усами, с плотно обмотанным вокруг шеи башлыком, заставлявшим его поворачивать голову вместе с туловищем, предложил нам разбить лагерь в том месте, где стояли палатки киногруппы, а затем возвратиться сюда на станцию и познакомиться с ней. Не без труда собрав собак и составив некое подобие упряжки, мы поспешили назад с тем, чтобы, поскорее поставив палатки, вернуться на станцию и поближе с ней познакомиться. Я уже говорил о том, как мы представляли это знакомство, когда шли к Полюсу: сауна или душ, шампанское, прекрасный стол, улыбки, танцы, наконец. (Во время встречи мы заметили, что на станции много женщин.) И, конечно же, в довершение всего, настоящий кофе с сигарами. Именно для этого случая Уилл припас коробочку гаванских сигар. Понятно, что мы установили лагерь несколько быстрее обычного и, накормив собак, отправились на станцию. Перед входом под купол, над которым красовалась сделанная крупными буквами надпись: «Соединённые Штаты приветствуют вас на Южном полюсе», нас ожидала невысокая, хрупкая, несмотря на большую тёплую куртку, женщина, которая оказалась нашим гидом. Следуя за ней, мы вошли в огромный тоннель с гофрированными металлическими стенами. Сразу же за входом с левой и с правой сторон к основному тоннелю примыкали два таких же, едва освещённых убегающей в темноту длинной цепочкой электрических лампочек. Стены и потолок тоннеля были покрыты густым махровым инеем. Главный тоннель привел нас прямо под купол, внутренние размеры которого просто потрясали. Этот огромный алюминиевый каркас, установленный над станцией лет пятнадцать назад, был призван предохранять её от снежных заносов. Однако мне показалось, что он, скорее, должен был демонстрировать силу и мощь американской инженерной мысли и технологии. Из-за снежных заносов сам купол почти до половины был скрыт под снегом, несмотря на свои размеры: 55 метров в диаметре и 15 метров в высоту.

И тоннели, и собственно купол были без пола, и здесь мы почувствовали оставшийся, наверное, ещё с зимнего времени холод. Потолок купола, особенно со стороны находящегося снаружи снежного шлейфа, был покрыт инеем и свисающими, как огромные сталактиты, сосульками, что делало перемещение между стоящими внизу домиками небезопасным.

Как только мы появились под куполом, из домиков вышло несколько молодых достаточно легко одетых людей — они просили автографы. Ну как тут отказать! Пришлось расписываться непишущей ручкой и негнушимися пальцами. Мы ждали продолжения. И оно последовало. Нас наконец-то впустили внутрь. Мы попали в тёплое, устланное коврами и заставленное книгами помещение библиотеки. На стенах висели портреты Амундсена, Скотта, адмирала Бэрда. Том выдал нам небольшие свидетельства в память о посещении станции. Экскурсия продолжалась. Мы прошли через напичканное современной аппаратурой помещение радиостанции и вновь вышли наружу, хотя никому из нас этого ужасно не хотелось. По нашему внутреннему экспедиционному времени мы должны были уже ужинать. Как бы читая наши мысли, наша маленькая «гидша» провела нас в небольшую, но уютную и чистенькую уют-компанию. Это был мир запахов и тепла. У плит возились две немолодые женщины в белых передниках. Шла подготовка к завтраку. Том сказал, что на станции зимой работает около двадцати человек, а сейчас в сезон приехало около девяноста — мест не хватает, приходится питаться в несколько смен. Видит Бог, как нам хотелось помочь бедняге Тому в организации этого трудного процесса, выступив в качестве первой смены, но, увы, никаких предложений не поступило, и мы, отнюдь не растерявшие своего достоинства в снегах Антарктики, проследовали за неумолимой «гидшей» в соседнее помещение, сохраняя в своих обугленных морозом и солнцем носах неземные ароматы настоящей кухни.

Соседнее помещение оказалось просторным гимнастическим залом. Здесь уже находилось человек пятьдесят. Нас встретили аплодисментами. Мы сели прямо на пол перед этой аудиторией, и началась первая пресс-конференция на Южном полюсе. На голодный желудок мы разговорились. Мне был задан вопрос: «Почему вы всё время идёте впереди?» Пришлось применить домашнюю заготовку относительно необычайной любви собак к моему запаху, что вызвало оживление в зале. Было много вопросов, касающихся, в основном, наших взаимоотношений со спонсорами, между собой, самых трудных дней и так далее. Уилл очень подробно рассказывал своим соотечественникам обо всём. Пресс-конференция длилась около полутора часов. По нашему внутреннему расписанию, мы уже должны были заканчивать ужин, и наши желудки ни за что не соглашались принимать внезапное изменение уже привычного режима. Мы ждали продолжения. И оно последовало. Когда стихли аплодисменты, от стены отделилась какая-то небольшого роста женщина со скорбным лицом и

в гробовой тишине зачитала Приговор экспедиции «Трансантарктика», вынесенный руководством Дивизиона полярных программ Национального научного фонда США.

Согласно Приговору, наша экспедиция в лице всех шести представителей шести государств мира, являясь частным предприятием, не приносящим на алтарь антарктической науки ничего, кроме забот о её собственной безопасности, лишается на станции Амундсен-Скотт всех видов поддержки и помощи со стороны её руководства. Это означало, что нам нельзя было официально питаться на станции, принимать душ, пользоваться почтой и даже вообще «находиться на её территории». Мы ждали продолжения и... дождались, но оно было, скорее, похоже на окончание. Женщина эта — я не запомнил её имени — прилетела сюда специально, чтобы проследить за неукоснительным соблюдением Приговора. Разумеется, мы ни на что сверхъестественное не рассчитывали, особенно после сообщения Крике о том, как их приняли на Полюсе, но чтобы вот так — от ворот поворот! Это было неожиданным даже для нас, подготовленных, не говоря уже о полярниках станции, которые всячески пытались сгладить неприятную ситуацию. Нам оставалось только пожелать всем приятного аппетита и с высоко поднятой головой удалиться.

Мы устроили праздник на нашей тихой заснеженной улочке в палаточном городке, тем более что и продуктов, и вина было предостаточно. В самый разгар пиршества явились Уилл и Джеф с подозрительно розовыми лицами и влажными волосами. «Родной язык, он и на Полюсе до душа доведёт», — пояснил Джеф и поставил на стол картонную упаковку со свежими яйцами и большой полиэтиленовый пакет с нарезанным тонкими ломтями беконом. Уилл сказал, что завтра он всё организует для нас: и душ, и радиосвязь, и всё остальное, а пока тост за Полюс, за нашу удачу, за тех, кто нас ждёт!

Разошлись около полуночи по нашим часам, на станционных же было три часа пополудни. Спать пришлось недолго: пришел Крике и сказал, что станция Восток на связи. Я пошёл в стоящий рядом с палатками «Твин оттер» и, включив радио, услышал в наушниках громкий и радостный голос Сани Шереметьева с Востока. Он поздравил меня с прибытием на Полюс и спросил, когда ожидать нас на Востоке. Я ответил, что, скорее всего, дней через тридцать пять. Договорились о сроках связи, и я, коротко обрисовав Сане ситуацию, попросил позвонить домой Наташе и передать ей, что я дошёл до Полюса, а так как дальше идти некуда, то я через два дня выхожу в сторону дома. Утром на следующий день мы с Уиллом предприняли смелый рейд на станцию, взяв с собой Пэнду и Сэма. Оставив собак у ребят в одной из палаток летнего лагеря, мы с ним, дерзко нарушая Приговор, пересекли запретную зону и забрались под купол. Встретившийся нам на пути Том ничуть не удивился нашему присутствию и даже пригласил нас на чашечку кофе. Оказалось, что наша роковая женщина улетела рано утром, поэтому некому будет в случае чего жаловаться на Тома за нарушение страшного приказа. Том предложил даже устроить небольшой праздник на территории летнего лагеря специально для участников экспедиции. И всё же на всякий случай он предложил нам с Уиллом уйти из-под купола, чтобы не было неприятностей. Мы с Крисом попытались дозвониться до Ленинграда. Крис — радиолобитель, и у него в летнем лагере есть портативная, но достаточно мощная радиостанция. Он безуспешно пытался в течение часа выловить какого-нибудь радиолобителя, чтобы через него связаться с Ленинградом. Никто не отвечал, и Крис решился на отчаянный шаг. «Пойдём, — сказал он мне. — Мы сейчас всё устроим». Я последовал за ним, и скоро мы оказались в одной из палаток. Там было темно, тихо и очень тепло. Она была перегорожена на небольшие комнатки и закутки плотными чёрными занавесками, такие же занавески висели на окнах. После яркого солнечного света глаза долго привыкали к темноте. «Т-с-с..., — прижал Крис палец к губам. — Здесь спят». Мы на цыпочках прокрались в каморку Криса. Он задёрнул занавеску и включил небольшую настольную лампу. «Переодевайся», — кивнул он мне на лежащие на койке тёмные, как у него, брюки. Я, не очень понимая, для чего весь этот маскарад, послушно переоделся. Крис протянул мне знакомую красную куртку с меховым капюшоном, и я её нацепил. «Надень капюшон», — сказал мне Крис. Я повиновался. Крис осмотрел меня и, оставшись, видимо, довольным этим осмотром, кивнул: «Пошли». Мы вышли наружу, и солнце нас ослепило. Мы быстро, не разговаривая, пошли в сторону купола, но не к главному входу. Крис подвел меня к наминавшей рубку подводной лодки стальной трубе, торчащей из-под снега рядом с куполом. Оглядевшись по сторонам, Крис достал из нагрудного кармана небольшую радиостанцию. Такими радиостанциями пользуются практически все полярники станции, что даёт им возможность легко связаться с центральной радиостанцией и получить любую информацию и в то же время легко отыскать друг друга в случае необходимости. «Лора, — негромко сказал Крис в

От редактора: сейчас этот подвиг уже не повторить: часть пути стала морем, собакам по международному соглашению въезд на Ледовый континент запрещён.

микрофон, — мы у аварийного выхода, как обстановка?»). Высокий приятный голос Лоры, стройной белокурой девушки, дежурившей в информационном центре станции, так же заговорщически произнёс: «Все в порядке, тихо, можете идти». Крис, спрятав радиостанцию, стал спускаться по вертикальному стволу трубы, а я последовал за ним, окончательно заинтригованный происходящим. «Уж не задумал ли Крис какой-нибудь переворот с использованием отборных частей «Трансантарктики»?» — думал я, спускаясь. Солнечный свет померк, сжавшись в небольшое светлое пятнышко горловины трубы над нашими головами. Труба переходила в узкий заснеженный коридор. Мы остановились у его начала. Крис попросил меня понизже натянуть капюшон и следовать за ним, не отвечая ни на какие вопросы по пути. Коридор привел нас под знакомый купол. Оставшись незамеченными, мы проникли в небольшую комнату в помещении радиостанции. Стены комнаты были оклеены радиолобительскими карточками, на столе стоял японский любительский радиопередатчик.

Крис запер двери и скинул куртку. Я сел рядом. На наш вызов откликнулся сразу же один радиолобитель из штата Мэриленд. Крис коротко обрисовал ему ситуацию, не забыв упомянуть, что связь эта неофициальная и должна быть проведена побыстрее. Наш корреспондент, выслушав просьбу Криса, спросил, на каком языке будут вестись телефонные переговоры. Крис вопросительно посмотрел на меня. «На русском, — ответил я. — Во всяком случае, в основном, на русском». После минутной паузы, во время которой Крис поминутно оглядывался на дверь и прислушивался к каждому постороннему шуму, наш невидимый корреспондент ответил, что не может нам помочь, поскольку по правилам ведения таких переговоров он должен знать их содержание. Крис чертыхнулся и крутанул ручку настройки, переходя на другой участок диапазона. В дверь негромко постучали. Крис быстро выключил станцию, скинул наушники и подошёл к двери. «Кто?» — спросил он тихо. «Это я, Лора», — послышалось в ответ. Крис немного приоткрыл дверь, и Лора просунула две тарелки из плотного картона, на которых был аккуратно сервирован ленч. Дверь закрылась. Видя, как переживает бедняга Крис, опасаясь, наверное, достаточно жёстких санкций со стороны руководства за своё самоуправство, я сказал ему: «Крис, пойдем. Выключай всё это, я уже через месяц буду на Востоке и прекрасно поговорю оттуда, так что не стоит тебе рисковать». Крис с явным облегчением вздохнул, и мы с ним также по-шпионски выбрались обратно.

На солнце было великолепно. Сегодняшняя тайная вечеря должна была состояться в летней кают-компании, находящейся в одной из больших палаток. Здесь была небольшая кухонька, телевизор, видеомagneтофон, холл с удобными креслами. Перед праздником мне удалось принять настоящий горячий душ с мочалкой и мылом, и все мы, за исключением Джефа, опасавшегося, наверное, подмочить свою репутацию трезвенника, собрались вечером в кают-компании. Праздник удался на славу. Пицца, пиво, вино, водка — все это поддерживало настроение и энтузиазм собравшихся. Этьенну подарили огромный красочный торт ко дню рождения. Среди общего разгула над головами танцующих, смеющихся, поющих, пьющих, кричащих и молчащих плавала камера Лорана. После трёх часов ночи праздник перешёл в новую фазу: отмечали свадьбу начальника станции Тома с одной из девушек, с которой его связывали до этого не стеснённые брачными узами отношения. Масла в огонь, зажжённый неумеренным потреблением вина, подлил Лоран, предложивший Тому отнять замечательный и оригинальный сюжет: «Свадьба на Южном полюсе». Тому идея явно понравилась. Совершенно неожиданно откуда-то появился ящик шампанского, и праздник начался с новой силой. Забегая вперёд, скажу, что наутро молодожёны подали на развод, а удручённый столь очевидным проявлением своей слабости Том даже не вышел нас провожать. Мы с Уиллом последними покидали поле боя в кают-компании и на бредущем полёте дотянули до палаток. Сэм и Пэнда остались ночевать в лагере у кого-то из ребят.

Весь следующий день прошёл в многочисленных съёмках для спонсоров. Местом съёмок была определена Площадь Наций. Мы выстроились рядом с возвышавшейся в центре полукруга из флагов символической земной осью, выполненной в виде разрисованной красно-белыми полосами короткой, толстой бамбуковой палки, которую венчал большой серебристый шар. Погода для позирования была не слишком благоприятной: дул сильный ветер, и было холодно, так что пока мы отсняли около тридцати сюжетов с различными флагами, эмблемами, супами, шоколадами, очками, спальными мешками и прочая и прочая, мы здорово замерзли и сразу после съёмок помчались в кают-компанию погреться. Воспользовавшись тем, что на станции было ночью, мы отвели душу на кухне, приготовив массу бифштексов, яичниц и тостов. Приняв напоследок душ, мы все вернулись в лагерь, надо было готовиться к выходу.